

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

Премьер-министр Великобритании

РЕЧЬ ПО РАДИО

10 МАЯ 1942 Г.

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1942

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Премьер-министр Великобритании

РЕЧЬ по РАДИО

10 мая 1942 года

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

Сегодня исполнилось два года, как я служу первым министром короля. В связи с этим я посчитал полезным обратиться к вам по радио и вкратце напомнить о том, что мы пережили, и подвергнуть рассмотрению нашу теперешнюю позицию, когда мы осторожно, но в то же время решительно смотрим в будущее. Большой период, который мы пережили, несомненно был полон беспокойства и требовал напряжения всех сил. Он сопровождался многочисленными неудачами и разочарованием. В это время, два года тому назад, немцы жестоко и безжалостно уничтожали Голландию и Бельгию, совершив неспровоцированную агрессию. Вскоре на нас обрушилось полное поражение Франции, роковая капитуляция Бордо.

Муссолини, неудачливый итальянский комбинатор, решил, что ему предоставляется шанс добиться легкой и дешевой победы и получить богатую добычу—он нанес удар в спину умирающей Франции и, как он думал, обреченной Англии.

Мы остались одни. Наши 250 тыс. солдат были спасены из Дюнкерка без оружия. Все еще оставаясь безоружными, мы должны были противостоять мощной победоносной Германии, а также тщательно сбереженной силе Италии, которая тогда еще считалась первоклассной державой.

Здесь в Англии, на наших островах, вторжение, казалось, было близким. Средиземное море было закрыто для нас. Оставался открытым лишь длинный путь вокруг мыса Доброй

Надежды, где стоят на сраже генерал Смэтс. Наши небольшие и плохо снаряженные силы в Египте и Судане, казалось, ожидало уничтожение. Весь мир, даже наши лучшие друзья, считали, что наступил наш конец. В соответствии с этим мы приготовились победить или погибнуть. Наступил торжественный, величественный час. Мы все в равной степени были полны решимости если погибнуть, то в борьбе. Мы не дрогнули. Мы стали выполнять свой долг и, по милосердию бога, устояли. В те дни на мою долю выпала честь выразить чувства и решимость британской нации в этот самый критический период за все время ее существования. Это явилось для меня честью, далеко превосходившей все мечты и честолюбивые стремления, которые я когда-либо лелеял.

В течение целого года после падения Франции мы находились в одиночестве, неся знамя свободы и поддерживая надежды всего мира. Мы завоевали Итальянскую колониальную империю. Мы уничтожили или захватили почти всю африканскую армию Муссолини. Мы освободили Абиссинию. До сих пор мы успешно защищали от германских посягательств Палестину, Сирию, Иран и Ирак. Оказывая помощь героическим грекам, мы потерпели серьезные неудачи. Мы не колеблясь выдержали много тяжелых ударов за пределами страны и еще больше в ее пределах. И все это время, ободряемые президентом Рузвельтом и Соединенными Штатами и получая от них помощь, мы оставались одни, не колеблясь и не отступая.

Как обстоит дело теперь? Может ли кто-либо сомневаться в том, что мы были достойны решать свою собственную судьбу и собственное будущее?

Как в прошлую войну, так и в эту войну мы идем к полной и окончательной победе через неудачи и поражения. Мы должны только сохранить выдержку и завоевать эту победу. Сейчас мы больше не безоружны. Мы хорошо вооружены. Теперь мы не одиноки. Мы имеем мощных союзников, неразрывно связанных высокой верой, общими интересами и идущих вместе с нами в рядах объединенных наций. Может быть только один исход. Когда или каким образом он наступит—я не могу ска-

зять. Но когда мы учтем огромные ресурсы, находящиеся в нашем распоряжении, то при условии их полного использования мы можем стремиться вперед, в неизвестное, с растущей уверенностью. Оставаясь одни, мы неуклонно накапливали силы. Нужно было иметь хладнокровие, чтобы в эти дни сохранять уверенность в выигрыш войны.

Но, как уже было в истории наших островов, своей твердостью и непоколебимостью, если вы хотите—упорством, в борьбе с континентальным тираном мы достигли того момента, когда этот тиран совершил роковую ошибку. Диктаторы точно так же, как и демократические парламентские правительства, иногда совершают ошибки. В самом деле, когда выявится вся картина, то, я уверен, будет установлено, что диктаторы, несмотря на всю их подготовку и пространные планы, совершили более крупные ошибки, чем демократические государства.

Даже Гитлер иногда совершает ошибки. В июне прошлого года, без малейшей провокации или нарушения пакта о ненападении, он вторгся на земли русского народа. В то время он располагал сильнейшей армией в мире, обученной в войне, воодушевленной невиданными беспрерывными успехами, снабженной безграничным количеством боеприпасов и самого современного вооружения. Он обеспечил также для себя преимущества неожиданности и вероломства. Он бросил молодежь и взрослое мужское население германской нации в Россию.

Русские под руководством своего воина—вождя Сталина выдержали потери, которых не могла бы выдержать никакая другая страна или правительство в столь короткий срок. Однако они, как и мы, были преисполнены решимостью никогда не сдаваться.

Они оросили своей кровью родную землю. Они смотрели прямо в лицо врагу. С самого первого дня и до конца года, и до сегодняшнего вечера, с самого первого дня, когда они подверглись нападению, когда никто не мог бы сказать, как сложатся события, мы заключили с ними братский союз и дали торжественное обещание уничтожить нацизм и все его творения.

Затем Гитлер совершил вторую большую ошибку. Он забыл о зиме. Вы знаете русскую зиму. В течение многих месяцев температура может упасть весьма низко. Выпадает снег и наступают морозы. Гитлер забыл об этой русской зиме. Он, должно быть, весьма недостаточно образован. В школе мы все слышали об этой зиме. Но он забыл о ней. Я никогда не совершал таких грубых ошибок, как эта. Зима пришла и обрушилась на его плохо одетые армии. С наступлением зимы начались храбрые контратаки русских. Никто с уверенностью не может сказать, сколько миллионов немцев уже погибло в России. Но безусловно их погибло больше, чем было убито за все 4 года и 3 месяца прошлой войны. Этот человек настолько опьянен жадной кровью и завоеваний и настолько пагубна его власть над жизнями немцев, что он даже выболтал, что для второй зимы в России его армии будут лучше одеты, а его локомотивы лучше подготовлены, чем они были подготовлены для первой. Это признание относительно длительности войны подействовало на немцев так же охлаждающе, как ледяные ветры России.

Каковы будут страдания германской нации в этой новой кровавой бане? Что Гитлер сейчас имеет перед собой? Безусловно, что русские армии стали сильнее, чем они были в прошлом году, безусловно, что они научились на своем тяжелом опыте бить немцев на поле боя. Безусловно также, что они хорошо снаряжены и что их твердость и мужество остаются непоколебимыми. Перед всем этим стоит Гитлер.

Что он имеет у себя в тылу? Он имеет у себя в тылу закованную в цепи голодающую Европу, в десятках стран которой ежедневно развивают бешеную деятельность его отряды убийц. Он имеет у себя в тылу Европу, которая научилась ненавидеть слово «наци» такой ненавистью, которой никогда не вызывало ни одно слово в истории человечества. Он оставил у себя в тылу Европу, пламенно стремящуюся к восстанию, как только наступят для этого подходящие условия.

Но это еще не все, что ему препятствует. Путь его преграждаем и мы и Соединенные Штаты. Английские военно-воз-

душные силы уже обрушиваются на него. Одной из основных особенностей мировой войны этого года будет английское, теперь и американское воздушное наступление против Германии. Сейчас пришло время использовать наше увеличивающееся господство в воздухе с тем, чтобы наносить тяжелые и непрерывающиеся удары по внутреннему фронту Германии, который причинил так много зла миру и который питает все гигантское германское вторжение в Россию.

Сейчас, когда германские армии будут истекать кровью и терять свои силы на 2 000-мильном русском фронте, когда сведения о потерях сотен тысяч солдат проникают в Германию, пришло время дать понять германскому народу жестокость его правителей путем уничтожения на его глазах предприятий и портов, от которых зависят их военные усилия.

Германская пропаганда постоянно апеллирует к английскому общественному мнению, призывая отказаться от этих жестоких форм ведения войны, которые, с германской точки зрения, должны быть монополией только одного германского господствующего народа. Самому господину Гитлеру не понравилось такое обращение с германским народом, и он был достаточно любезен, чтобы смешать ужасные угрозы со своими жалобами. Он торжественно предупреждает нас, что если мы будем продолжать уничтожать германские города, военные заводы и базы, то он обрушится против наших кафедральных соборов и исторических памятников, если только они не расположены слишком глубоко в стране. Мы и раньше слышали его угрозы. 18 месяцев тому назад, в сентябре 1940 года, когда он считал, что в его распоряжении находится господство в воздухе, он заявил, что «сотрет с лица земли»,—таковы были его слова,—наши города, и он, конечно, усиленно старался сделать это. Сейчас роли переменялись. Гитлер даже поставил под вопрос гуманность этих суровых форм войны. Как жалко, что это перевоплощение не произошло до того, как он подвергал бомбардировкам Варшаву, или потопил в крови 20 тыс. голландцев в беззащитном Роттердаме, или же до того, как он обрушил свою жестокую месть на открытый город Белград.

В те дни он хвастливо заявлял, что за каждую тонну бомб, которую мы сбросим на Германию, он сбросит в 10 или даже в 100 раз больше на Англию, таковы были его слова и таково было его убеждение. Действительно, одно время мы весьма страдали от его значительно превосходивших сил и жестокости. Но сейчас все изменилось. Мы можем сбрасывать на Германию во много раз больше тонн взрывчатых веществ, чем Гитлер может сбрасывать на Англию. Эта пропорция будет возрастать из месяца в месяц, безотносительно к временам года до конца войны. Точность наших бомбардировок почти удвоилась, и по мере накопления дальнейшего опыта, я ожидаю, что она улучшится еще больше. Больше того, одновременно наши методы борьбы против его самолетов, появляющихся над Англией, оплатили с лихвой величайшее внимание и громадную затрату научной мысли при их разработке и применении в широких масштабах. Одна десятая всех самолетов, совершавших налеты на наши острова в апреле, была уничтожена. Вместе с тем, хотя масштабы наших операций в несколько раз больше немецких, потери, понесенные нами, были пропорционально гораздо меньше.

Мы долго ожидали, когда чаша весов склонится в нашу пользу и тем временем использовали все, что нам предоставлялось в этот период. Вы помните, как германская пропаганда и кинофильмы, стремясь терроризовать нейтральные страны и прославить разрушение, жестокость... показывали ряды громадных германских бомбардировщиков, нагружаемых бомбами, затем боевыми порядками летящих в воздух, затем сбрасывающих серии бомб на беззащитные города и деревни, оставляя их в дыму и огне. Все это представлялось нейтральным странам с самого начала войны как германский метод ведения войны. Все это было направлено к тому, чтобы заставить мир поверить, что сопротивление германской воле невозможно и что подчинение и рабство являются самым безопасным и самым легким путем. Эти дни миновали. Божья кара постигнет виновных, и что касается меня, то я приветствую

это как пример высшей справедливости,—те, кто обрушил эти ужасы на человечество, сейчас, у своих собственных очагов, сами на себе чувствуют сокрушительные удары справедливого возмездия.

Мы имеем длинный список германских городов, в которых расположены предприятия, представляющие жизненное значение для германской военной машины. Нашим неумолимым долгом будет расправиться с ними так же, как мы уже расправились с Любеком, Ростокom и поддужиной других важных пунктов. Однако гражданское население Германии может без труда избежать этой суровой расправы. Все, что ему нужно сделать,—это покинуть города, где производятся боеприпасы, оставить свою работу и уйти в поля с тем, чтобы оттуда издали наблюдать за пожарами. Таким путем немцы могут найти время для размышления и раскаяния и вспомнить миллионы русских женщин и детей, которых они выгнали на гибель в снегах, вспомнить массовые казни крестьян и военнопленных, вспомнить, что они проделывали по отношению ко многим древним и знаменитым народам Европы. Тогда они смогут понять, что этот гнусный гитлеровский режим является основной причиной, приведшей Германию через нищету и бойню к конечной разрухе, и что свержение тирана является первым шагом к освобождению мира.

Сейчас в условиях грозного затишья—и все же затишья—мы ожидаем, как на русском фронте вновь со всей ожесточенностью разразится ураган. Мы не можем сказать, когда это начнется.

До сих пор мы не видели каких-либо признаков крупных сосредоточений германских войск, которые обычно предшествуют широким наступлениям. Они, возможно, успешно скрываются или, может быть, еще не были переброшены на Восток. Но сегодня 10 мая, и дни продолжают проходить. Мы шлем привет русским армиям и надеемся, что тысячи танков и самолетов, которые мы направляли им на помощь из Англии и Америки, явятся полезным вкладом в их собственные блестяще развитые и реорганизованные военные ресурсы.

Однако есть один серьезный вопрос, о котором я должен сказать. Советское правительство высказало нам мнение, что немцы, отчаявшись в успехе своего нападения, могут применить отравляющие вещества против армий и народа Советского Союза. Мы сами твердо решили не прибегать к этому гнусному орудию, если только оно не будет использовано сперва немцами. Однако, зная этих гушнов, мы не пренебрегли соответствующей подготовкой в огромных размерах. Теперь я хочу заявить со всей ясностью, что мы будем рассматривать неспровоцированное применение отравляющих веществ против нашего русского союзника точно так же, как если бы эти вещества были использованы против нас самих. Если мы убедимся, что это новое преступление совершено Гитлером, мы используем наше большое и все возрастающее превосходство в воздухе на Западе для ведения химической войны в самых широких масштабах против военных объектов Германии. Пусть Гитлер выбирает—хочет ли он добавить и это к ужасам воздушной войны. В течение некоторого времени мы занимаемся усовершенствованием нашей обороны, и теперь я могу заявить, что впредь уже не будет наблюдаться беспечность или небрежность.

В одном я уверен—в том, что английский народ, вступивший в настоящее боевое содружество с нашим русским союзником, не отступит ни перед какими жертвами или испытаниями, которых может потребовать это товарищество. Тем временем наши поставки танков, самолетов и боеприпасов в Россию из Англии и Соединенных Штатов продолжают в полном объеме.

Наш долг заключается в том, чтобы конвоировать караваны, направляющиеся на север. Моряки нашего военного и торгового флота встречают со своей обычной стойкостью и храбростью страшные бури Заполярья, рыщущие подводные лодки, самолеты противника и германские эсминцы.

До сих пор, несмотря на некоторые потери как среди грузовых судов, так и среди охраняющих их кораблей, все караваны успешно прокладывали себе путь. Мы намерены всеми силами бороться за сохранение этого пути.

Можем ли мы сделать еще что-либо для того, чтобы облегчить положение России? Многие круги требуют от нас вторжения на континент Европы и открытия второго фронта. Естественно, что я не раскрою наших намерений, но имеется один момент, о котором я скажу. Я приветствую воинствующий, агрессивный дух английской нации, который встречает столь решительную поддержку по ту сторону Атлантического океана.

Разве не хорошо, что на 32-м месяце этой тяжелой войны мы обнаруживаем всеобщее стремление столкнуться с противником, а не признаки усталости от войны? Разве не хорошо, что тысячи демонстрантов собираются на Трафальгар-сквере, требуя энергичного наступления, и что мы не обнаружили хныканья, колебания и мирных настроений, которые в других странах и в других войнах так часто затрудняли действия и подрывали энергию правительств? Нас воодушевляет и вдохновляет ощущение здорового пульса свободной страны, стремящейся вперед, твердой и непоколебимой в борьбе за свое справедливое дело. Наша смелость и мудрость должны соответствовать этим чувствам.

На этой неделе два острова занимали наши мысли. Один из них очень велик, другой очень мал—Мадагаскар и Мальта. На этой неделе мы оказались вынужденными принять меры предосторожности с целью не допустить, чтобы Мадагаскар оказался в руках противника в результате бесчестных намерений, проявления слабости или же злого умысла со стороны Виши, подобно тому как нам был нанесен столь серьезный ущерб в Индокитае. Прошло уже три месяца с тех пор, как было принято решение относительно Мадагаскара, и больше двух месяцев с тех пор, как экспедиция покинула берега Англии. Первой задачей экспедиции было захватить замечательную гавань Диего-Суарес, которая, оказавшись в руках японцев, могла бы парализовать все наши коммуникации с Индией и Средним Востоком. Я должен откровенно сознаться, что, когда наши войска находились в открытом море, я содрогался, встречая в газете слово «Мадагаскар». Все эти статьи, диаграммы и карты, доказывавшие, какое огромное значение имеет для

нас захват Мадагаскара с целью опередить японцев, одно время внушали мне большую тревогу. Речь не шла о просачивании информации или же о нарушении доверия.

Говорят, что великие умы мыслят одинаково, но умные догадки могут оказаться столь же опасными, как и просачивание информации. Именно поэтому я испытал значительное облегчение, когда узнал, что наши солдаты преодолели стоявшие на их пути трудности и что эти трудности не осложнились и операции были проведены быстро и эффективно. Эту территорию мы храним для той доблестной Франции, которая нам была известна в прошлом, с которой мы шли вместе, для той Франции, без водворения которой на ее место среди великих держав мира немыслимо будущее Европы. Мадагаскар находится под охраной объединенных стран. Виши, находясь в тисках немцев, было принуждено шуметь по поводу оккупации Мадагаскара. Та Франция, которая поднялась в Сен-Назере и в один прекрасный день поднимется с неопишуемой яростью против нацистов, понимает смысл этих событий.

История меньшего острова—Мальты, крохотной скалы, похожа на роман. Сегодня мы приветствуем возвращение в Англию генерала Добби, который на протяжении почти двух лет героически защищал Мальту. Бремя, которое он так долго нес с таким почетом, дает ему право на освобождение и отдых. В лице лорда Горта мы имеем представителя новых веяний. Он оказал чрезвычайно ценные услуги в Гибралтаре. Но по его вине наши армии не имели успеха во Франции. Он великий воин.

В данный момент интенсивные воздушные атаки против Мальты ослабли. Похоже на то, что значительная часть авиации противника переброшена в восточном направлении. Я удивляюсь, почему это? Если это так, то в таком случае великая воздушная битва за Мальту, в которой противник создал для себя огромное превосходство сил и ради которой он пожертвовал много самолетов, которые ему сейчас приходится более осторожно использовать, будет определенно выиграна. Но несмотря на это, остаются еще другие опасности, и в Британ-

ской империи я не знаю лучшего человека, которому я мог бы с большим успехом доверить борьбу против этих опасностей, чем лорда Горта.

Если оглянуться на ход войны, то мы увидим, что она как бы разделяется на четыре отчетливо отличающиеся друг от друга периода. Первый из них закончился завоеванием нацистами Западной Европы и падением Франции. Второй период, в котором Англия осталась в одиночестве, закончился нападением Гитлера на Россию.

Я назвал бы начавшийся тогда третий период «славой русских». Да пусть он продолжается!

Четвертый период начался в Пирл-Харбор, когда воинственная клика в Японии вероломно напала на Соединенные Штаты и Англию на Дальнем Востоке. Сейчас мы переживаем этот период. Агрессия Италии в 1940 году перенесла войну из Европы в Африку. Агрессия Японии вовлекла всю Азию, в том числе и непобедимый Китай, и тем или иным путем вовлекла или вовлечет весь американский континент. Таким образом война приняла мировой размах, и на карту поставлены судьбы всех государств и наций и их будущее. Этот четвертый период—«всеобщая война»—ставит нас перед новыми трудностями и чрезвычайно усложняет положение. Однако найдется ли какой-либо разумный человек, который не сможет увидеть, как сильно и решительно чаша весов перетянула в пользу дела свободы?

Правда, японцы, пользуясь тем, что мы заняты в других местах, и тем фактом, что Соединенные Штаты в течение столь продолжительного времени сохраняли мир, захватили гораздо легче и быстрее, чем они ожидали, богатые земли Восточно-Индийского архипелага. Отныне японцы столкнутся с более упорным сопротивлением на всех своих широко раскинувшихся фронтах. Они не могут легко переносить таких потерь, какие они понесли в результате морского боя в Коралловом море.

До сих пор мы не располагаем подробными сведениями, но из лживых сообщений, которые вынуждены распространять японцы относительно потопления линкора класса «Уорспайт»,

очевидно, что американские и австралийские силы провели чрезвычайно энергичные и успешные сражения. Японские поджигатели войны не могут безразлично относиться к потерям самолетов, причиненным им во многих пунктах и особенно у северного побережья Австралии и во время отражения их нападения на Коломбо и Тринкомали. В начале японские ресурсы должны были преобладать на дальневосточном театре войны. Однако силы только одних Соединенных Штатов с точки зрения современной войны, как наличные, так и потенциальные, во много раз превосходят мощь Японии. Мы также внесем свой вклад в дело окончательного разгрома и наказания этой честолюбивой и жадной нации.

Я не намерен выступать с предсказаниями, но я не сомневаюсь в том, что морская мощь Англии и Америки удержит японцев и что преобладающая воздушная мощь, поддержанная военными операциями, положит их на обе лопатки. Это произойдет гораздо скорее, если что-либо случится с Гитлером в Европе. Я сегодня передаю вам ободряющие новости. Вы заслужили этого, и факты подтверждают их.

Мы пойдем до конца и выполним свой долг—выиграем или умрем. Бог помогает нам.

Заказ № 520.

15 коп.

49
Рыжков

u

17

16